

Сегодня, 25-го февраля 2005, я, Блинкина Ольга Евгеньевна, в рамках программы “История семьи” беру дополнительное интервью у Воробьева Олега Михайловича.

В. Первый у нас будет: расскажите побольше об НКВДэшниках, вот этих, которые вселились в квартиру после ареста отца.

О. Да, у нас в одну комнату – сначала она была опечатана у нас – потом, значит, сказали, что у вас будет жить семья, из двух человек. Они два: был муж и жена его. Зоя ее звали, а его не знаю, не помню даже как, не помню. Потому что его... Он поздно вечером приходил, уходил рано-рано утром, мы почти что его не видали. Вот так вот он, утром...

В. А откуда вы знали, что они НКВДэшники?

О. Как? А поселили. Он в военном ходил. В военном. Он какой-то там... Как там? Она, жена-то, говорила, там какие-то были - комиссар какого-то такого...

В. А, Госбезопасности...

О. Ну, какие-то там ранги были, не как у военных были.

В. Да, у них другие...

О. Вот, она мне говорила, но я, честное слово, не помню. Но у него, по-моему, было старший лейтенант, три кубика. Три кубика было.

В. Старший лейтенант Госбезопасности.

О. Да, да. Ну, как-то я не вникал в это. Тогда был такой, папаненок был, что тонкости... А жена его была, она не работала нигде, она все время была у нас дома. Все время ругалась. Ну, я это уже говорил, что, если мы полы мыли, там, в кухне, это общее у нас было, коридор весь, она говорит: “Вы что! Зачем вы газеты стелите?!”. Бабушка говорила: “Ну, наследим, пускай подсохнет, как следует, потом мы эти газеты уберем”. “Ну там же портреты вождей и их высказывания, и все. Вы что!”. Вот так вот, все время.

В. Статью вам “шила”...

О. Ага (смеется)...

В. Честно говоря, людей за это сажали.

О. Но мы как-то так... Бабушка убирала, уж не связываться чтоб с ней.

В. То есть, отношения плохие были?

О. Да. Ну... Я сейчас скажу, они не очень долго у нас жили-то. Когда отец вернулся, в 41-м году, и сразу их выселили, и отцу отдали, да...

В. То есть, ему вернули комнату?

О. ...комнату ему вернули и восемьсот рублей... и восемьсот рублей вернули... восемьсот рублей за вывезенную всю мебель... все, что у нас... С конфискацией...

В. <нрзб> редкость...

О. С конфискацией же было. И отцу дали путевку в “Зеленый мыс”, чтоб... Он был специалист по аэродромному строительству. Значит, знали, что война будет? Его ж в 41-м году отпустили-то!

В. Вы думаете, так “корыстно” к этому отнеслись?

О. А вот тогда, это время было... Это время было, с 40-го года по 41-й, начали... военных тогда отпускать начали, всех этих... Вот даже здесь фильм как-то был... ну, это... какой-то генерал, его отпустили... Многих отпустили тогда. Была, вроде как, амнистия, всех...

В. Да... <нрзб>...

О. Да, да. Это Берия пришел. Оказывается, вот, по его там каким-то вот, начали отпускать, специалистов.

В. Интересно. Они так и уехали?

О. И они так и уехали. Да. Они потом в нашем районе где-то жили. Мы-то так, его никогда не встречали, а ее встречали. Бабушка, там, встречала, и я встречал ее.

В. Ну и как? Она радовалась этим встречам? Ну, как-то узнавала?

О. Нет. Она чего-то все бабушке все жаловалась, что плохо живет, что мужа совсем... Ребенок там у ней появился, что-то такое больной какой-то, не знаю. Ну, подробностей я не знаю, что-то такое. Вот так. Это про соседей, про этих. Да, мы не общались почти что. Только молчали всегда. Молчали.

В. То есть, вы все-таки как-то учитывали место его работы, да?

О. Да, да, да, да. А то еще чего-нибудь скажешь... Дедушка всегда говорил: “Не болтайте, не болтайте. А то всех нас отсюда попросят.”

В. То есть, вот то, что вот она, там, с этими газетами...

О. Да. Да. Да. Да. Вот такие намеки были как-то (смеется). Бабушка мне всегда (прикладывает палец к губам – знак молчания): “Не говори ничего.”

В. Так... А вот просто, взаимоотношения с соседями после ареста отца: как объясняете Вы уже сами...

О. Соседи... У нас соседи были хорошие все. Все. Рядом с нами десятая квартира – у нас тогда был трехэтажный дом, там жили только наша, 11-я квартира, 12-я, 13-я и 14-я. Больше не было. У нас первого этажа там не было. У нас такой – второй этаж, сразу со второго этажа... И такая... было... зеркальный фонарь такой, вроде как будто бы лифт, но лифта не было. Фонарь это был, мы туда продукты складывали зимой. Ничего у нас не запиралось внизу...

В. Как кладовка...

О. Как кладовка была. Все со всех четырех этих квартир туда, у нас кладовка была: все, как масло, и мясо, какие-то куры – все там лежало у нас, знали где.

В. Но ведь были ж такие случаи: что пока все нормально, это и сейчас, то люди вот - все хорошо. Потом что-нибудь случается – бах...

О. Ну, не знаю вот. Потом, до войны, начали надстраивать наш дом. Было три этажа, стал шестизэтажный. Это 45-й завод авиационный.

В. Всех пересажали там.

О. Да. Ну, это... начали строить для них. Да. А несколько этажей у нас заселили спортсменами. “Крылья Советов”, такая была команда раньше, московская, и “Торпедо”. Вот у нас там жили Мазанов, Егоров, Севидов со своими сыновьями – вот Юра и Олег были эти... Ну, они маленькие были, я уж повзрослей был. У нас жили все. А Егоров был первый тренер нашего хоккея по вот этому, канадского хоккея он был. Ну такие, хорошие семьи все были.

В. Нет, ну вот чем Вы объясняете, что вот... Много ж было таких случаев, что случалось такое и отворачивались, и лучшие друзья...

О. Нет, ну только...

В. А у Вас этого не произошло.

О. Нет, друзья у нас никто, ни соседи... Вот наше парадное...

В. Вот почему? О том и речь.

О. Не знаю. Не знаю, не знаю. Не знаю.

В. Как Вы думаете, почему?

О. Бабушка у меня общественница была. Общительная такая. Родители всегда... В 12-й квартире вот тоже там всех пересажали, тоже. Гремплеры жили, они немцы были, а муж ее был русский – Стефанов. Талантливый, у нее дети... Он мне, помню, сделал такой это... Самолет сделал, который погиб, это “Максим Горький”, четырехмоторный, из дерева выточил – все там, моторчики, пропеллеры были – все, все, все, все. Подарил мне. И потом машину, копию, раньше пятитонки такие были, с такими бамперами, с

этими, с кружочками такая. Вот такая... Сделали тоже, вместе с сыновьями он сделал. А потом его посадили и он погиб, в тюрьме. В Бутырках он умер.

В. Во время следствия?

О. Но был такой талантливый человек, что все там, братва, которые уголовники, все за него стояли горой. И когда вот ему дышать нечем было, он уже был больной, его поселили... Открывали окно, он у окна был, чтоб дышать ему легче было. Он был такой, что всем рассказывал: Дюма, “Три мушкетера”, Стивенсона, все близко к тексту. Все знал. Вот так.

В. “Романист” это называется в тюрьме.

О. Да. Фокусы показывал, потрясающие. Даже у нас во дворе, ребята, мы всегда соберемся – он нам фокусы показывал. Такой, талантливый.

В. И по отношению к его семье, да? Такое же было отношение? Что когда арестовали...

О. Да. Да, да, да, да.

В. <нрзб>

О. Вы знаете, у нас только... Одна только семья была, не знаю, почему – Дворецкие. Фамилия их – Дворецкие были, которые почему-то так... это... Он мне всегда хотел, знаете, из резиночки такой стрелкнуть, что-нибудь стрелкнуть и все... (показывает). Я даже на него напал, но он был здоровей меня и это... Но мне хотелось ему, что-нибудь стукнуть или что-то такое.

В. Но это, вот, частный был случай? Ну, а остальные все...

О. Да. А остальные – нет. Остальные все, нормальные были все. Все... У нас хороший двор был. Назывался он у нас “жидовский” двор, почему-то. Там “гумский”, где ГУМ был, а наш – “жидовский”. Но почему? Потому, что у нас на третьем этаже жили циркачи, семья, там – Гройк, Дейгины, потом, вот, наши, эти – Окуни, прекрасные люди. Еще кто-то, забыл уже.

В. Ну, это для удобства, видимо, обозначение...

О. Да, для удобства. “Где ты живешь-то? А, в “жидовском”, ну...”

В. То есть, Вы думаете, это уже другой вопрос, что в общем-то, все эти вещи зависели от конкретных людей?

О. Конечно.

В. Эти люди, значит, так себя вели...

О. Да. Да, да, да. Может... Ну, взрослые люди никак не реагировали. Это был сын их.

В. Ну, как...

О. Значит они в семье чего-то говорили, говорили, да, что... Мы никому так не распространялись, не рассказывали, что “Во, моего отца посадили. И маму мою посадили. Всех забрали”.

В. То есть, вопросов, вот там, типа, на которые приходилось отвечать, что они не виноваты, никогда не было?

О. Нет, ничего.

В. А про себя Вы знали, что они не виноваты?

О. Да, конечно.

В. Да? Тогда вот этот его вопрос, но он тогда уходит в сторону, что: почему именно дети рабочих фабричных были враждебны... Получается, что это... не фабричные рабочие...

О. Да, нет, не фабричные.

В. А что вот это такой конкретный... А его родители кто были?

О. Не знаю. Мама такая была, тоже общественница была, она всем там... Гранд-дама такая. Она не фабричная была. А отца что-то я не помню даже.

В. А во дворе так все как-то одинаковые были?

О. Все одинаковые. Никто мне ничего никогда не говорил. Никто. В школе, вот, откуда узнали? Не знаю. Кто-то сказал, значит. В школе были сначала конфликты.

В. В смысле?

О. Ну, что вот, обзывали... Там такой Зайцев был у нас, в первом классе, я вот его... Он говорил: “А, ты враг народа?”, и все время... А я говорил: “Какой я враг народа?”. “Ну как же? Твоих всех посадили. Чего они там делали? Взрывали нас?”. Вот так вот. Ага. (смеется). Сейчас бы это сказали бы – терроризм.

В. Да, ну это точно он откуда-то принес...

О. Да, да. Откуда-то принес. Ну, мы общались как-то – наш дом, рядом дом. Он жил в общежитии при Немецком рынке. Такой был, при Немецком рынке, там было два этажа, над столовой, и там жили. Ну, вроде как, знаете, как тогда было: по наему приезжали в Москву, их вот селили.

В. Лимитчики.

О. Лимитчики. Да. Но тогда не было такого слова – лимитчики.

В. Да. Формулировка-то! Одно дело, знать сам факт, что арестовали, а другое дело – оценочки...

О. Ну, вот я с ним... Иногда я дрался с ним. Да, да. Ну, так, и ему попадало, и мне попадало.

В. Ну, это вот только он такой был?

О. Да. А больше нет, а больше нет.

В. Учителя...

О. Учителя – нет. Учителя у нас... Фелицата Николаевна была, я Вам говорил уже, Киссель. Киссель – два “с”. Киссель. Она... Нет, никогда ничего не говорила, она со всеми равно, относилась ко всем...

В. У вас эта тема не поднималась? Не было такого, ни в ту, ни в другую сторону?

О. Абсолютно. Нет, нет, нет. В школе ничего, нет...

В. Что там классу говорили...

О. Нет, нет, ничего не говорили... Только...

В. То есть, это Вам тоже повезло.

О. Только... только... Когда ж это было-то? Вот я не помню, я не помню. Кто-то мне тогда сказал... В пионеры принимали всех, а меня чего-то оттянули, не приняли.

В. Из-за этого?

О. Ну, я не знаю! Я не знаю, мне ничего не сказали. А потом он говорит: “А чего же тебя-то не приняли? Ты что там...”. И у нас, ну, из нашего же класса, или из соседнего класса, там. Как это называлось-то, пионерская организация-то, такой какой-то стар...

В. Ну, да, дружина.

О. Дружина, там. Начальник дружины. “А чегой-то тебя не приняли?”. А я говорю: “Я не знаю чего”. “Ты чего, болел что ли?”. Я говорю: “Да, болел”. А я в это время заболел, у меня, думали, что у меня воспаление легких. Чего-то кашель был, я исхудал весь. Ну, а потом меня приняли в пионеры даже.

В. Ага, без всякого?

О. Без всякого. В школе, там вот, я не знаю, кто ему сказал, вот этому Зайцеву... Но он так вот всем не орал. Не орал. Он мне на ушко говорил-то все время. А так... мы с ним... Если мы подеремся с ним, значит... Ну, он просто говорил: “Да не люблю я этих, вон из того дома!”. И все.

В. То есть, у него там полный набор был – так и эдак.

О. Да, да, да. (смеется).

В. Понятно. Тогда, значит, вот эти вопросы мы как бы довольно-таки легко или там... Вот теперь про Норильск: вот, ну, во-первых, что Вы сами помните, кем там отец

работал, и рассказывал ли он вообще потом – о Норильске, о лагере, о каких-то вот этих... Или вот он – закрылся от этого...

О. Нет, рассказывал так, но, я не знаю, вот только положительное все рассказывал.

В. То есть?..

О. Не знаю... Ну, что когда его туда привезли, конечно, сначала, говорит, это... “трудно было. Заставляли нас там и землянными работами, это, заниматься”. Все... А там знаете, какой климат-то ужасный? “Но нам, - говорит, - выдавали... Нам выдали телогрейки, эти, ватные брюки, валенки, чтоб мы работали, шапки-ушанки”. Все...

В. То есть, нормально одеты?

О. Да, да, да.

В. И кормили нормально?

О. Но он нам говорил, что был тогда там начальником строительства, он тоже был... Ну, как это? Знаменитый-то! Господи, забыл.

В. Берзин?

О. Нет. Как же его фамилия?

В. Завенягин.

О. О! Завенягин. Завенягин. Он, говорит, очень многое делал для заключенных: чтоб все были одеты, что когда строили этот...

В. Комбинат.

О. ...комбинат, да. Что все, говорит, мы были одеты. Не было никого, чтоб был раздетый, какой-нибудь это... Говорит, там был контингент, там и уголовники были, но они вообще не хотели работать. Вот против них как-то боролись. А мы, все политические, говорит, мы все работали. Все работали.

В. И кормили нормально?

О. И кормили. А кормили так, говорит: если план не выполнишь, значит, нам и пайку, и все уменьшали. Если...

В. А план был выполнимый?

О. Да, да, он говорит, сначала, говорит, не удавалось, а потом мы, говорит, уже привыкли и начали все... Все время у нас план был и пайку... Ну, там говорят: «пайку получали» – это и еда, и хлеб, и все там, все вместе это. «Пайка» называлась у них.

В. Понятно. То есть, это о работе: количество, по часам все это, выходные, вот эта какая-то часть – соблюдалась у них?

О. Это – соблюдалась, говорит. Он говорит, соблюдалась. Да, говорит. Ну, рано утром мы отправлялись на работу, и... ну, он говорит, конечно, не...

В. ...восемь часов.

О. Не восемь часов. Было и десять, одиннадцать, по-разному, говорит. Ну, там же, говорит, невозможно работать, там же... Зимой, говорит, там невозможно работать. Вот какие-то есть это, без ветра, морозные дни, вот когда мороз сильный... Я ж там тоже был же, в Норильске-то, я там строил газопровод, там когда мороз сильный – тихо, тихо. Тихо-тихо. Сорок два, пятьдесят может быть. Вот так вот. Как выходишь из помещения – А! (вдыхает) Колом! Прямо сразу здесь... Плунешь – а? замерзает! (смеются). Ага. Вот. И с мороза иногда вот эти... слезы, знаете? Выходишь когда на мороз-то и слезы текут, и сразу здесь все замерзает. Все. Сразу эти, инеем...

В. То есть, они в такие дни не ходили?

О. В такие, да, да, да, не ходили.

В. А когда ветер... тогда теплей, да?

О. Ну, смотря, иногда... А когда ветер, вообще невозможно работать. Там сшибает с ног ветер. Это я Вам скажу пример, что когда я был, я был там в командировке, мой начальник – 110 килограмм весит – я говорю: «Семен Григорьевич, вот мы сейчас из гостиницы за угол заходим, держитесь за веревку или за стенку. Сейчас Вас сшибет!».

Ветер такой был, просто невозможный! Ты идешь вот так вот, согнувшись, вот (показывает), чтоб тебя не стукнуло, чтоб ты не опрокинулся. Чтоб ты не опрокинулся.

В. Это какой Вы месяц-то были?

О. Это был, наверное, не то ноябрь, не то октябрь. Вот так вот.

В. А, то есть, это начало в принципе...

О. Начало, да, да. Ну, я там был и в январе, и потом я... Много раз там был. Ну, и вот. И он, значит, я за ним, идем. Он выходит – как дунуло! И он на коленках выползает. Потом говорит: «Да! Ничего себе ветер!». Я говорю: «Вот так. Держитесь за...». А так зимой, когда там - веревки натягивают. Около остановок автобуса, везде, чтоб держались люди. А то так – как дунет, так под автобус можно залететь. Сшибет. Такой ветер там.

Нет, ну, работать там... Это вот когда мороз, когда мороз, работают люди. Потому что спокойно... И у нас, мы газопровод строили, когда ясная погода... Ну, не всегда 50 градусов, бывает и 30 градусов. При 30-ти градусах все работают. Ничего страшного.

В. Ну это вот тот период, когда он работал, что называется, «на общих», на уличных?

О. Да, да. А потом он, это, тоже... Он все время на улице работал. Там, агломератную какую-то он строил... еще... Ну там у меня записано, я сейчас не помню. Не помню, какое название. Но он был там строителем. Потом его назначили десятником. Ну, это как, десятник, это знаете?...

В. Как бригадир.

О. Ну, бригадир. Бригадир. Раньше это было десятник. Бригадир, там у него в подчинении было несколько человек. Они вот, вот эту вот, деревянную, вот эту вот фабрику-то строили. Я ее видал. Она до сих пор там стояла. Ну, это, нет... сейчас... Уж пятнадцать лет я как не работаю, но так я в Норильске...

В. Но пока стояла?

О. Пока стояла, да. В Норильске...

В. А вот по какому принципу, вот он сам как думал, и Вам кажется: вот он был просто «на общих», потом... Потому что образование и как бы...

О. Он был строитель. Он был инженер-строитель.

В. Его использовали по специальности? Или потому что он просто был хороший...

О. По специальности. По специальности.

В. А, то есть, с какого-то момента там начали использовать людей...

О. Да. Там, говорит, всех выстроили, спросили...

В. А...

О. Да. «Кто строитель? Шаг вперед». Вышли. «Кто, там, механик?».

В. А, то есть, это был осмысленный перевод?

О. Да, да. Осмысленный. Не то, что, там это, кого попало...

В. ...за хорошую...

О. Да. Да, да. Осмысленно. Вот Завенягин, Завенягин был. Да.

В. Комбинат его имя носит, до сих пор.

О. Да, да. Я знаю.

В. Вы считаете...

О. Он тоже сидел там. Он тоже, что ли, Завенягин, сидел?

В. Но он в этот момент там не сидел.

О. Ну, вот он стал... Но он тоже был, сидел... Он тоже был осужден, по политической статье. По 58-й. И тоже отбывал. Я вот, я даже не знаю – там или где? Где он был? Вот надо какую-нибудь книжечку почитать.

В. Не знаю, по-моему, ничего он не отбывал.

О. Нет, отбывал. Отец мне говорил, он тоже отбывал.

В. Это они так считали, да?
О. Да, да, да.
В. Может быть, это они...
О. Может, его быстро освободили, что-нибудь такое. Но что-то такое, под следствием он был.
В. Может, это они его так любили, что хотели, что он, вроде, как свой?..
О. Может.
В. ...а туда заслали, как в наказание... Потому что, насколько я помню, он Магнитку строил, он потом был министром...
О. Да, да. Ну это потом министром.
В. Да. И, вообще, он как-то все время в чинах был.
О. Да? Но вот он хорошо, говорит, очень относился к заключенным.
В. То есть, как-то они его там уважали?
О. Да. Да, да.
В. А были, например, с уголовниками какие-нибудь трения?
О. У отца? Да. Когда... У него там знакомый был... Когда туда его привезли, ну там все знакомятся... Говорит: «Нас... В баню мы стояли, там уже выходили. И: «Кто там из Москвы-то?», ну, говорит, отец говорит: «Я», «А откуда?», он говорит: «С Немецкого рынка», «А! Сосед!, - говорит, - а я с этого, ну вот, с Лефортово», здесь рядом. Ну, это рядом же.
В. Ну, конечно.
О. Ну, вот так. «Ну, говорит, если чего нужно, говорит, заходи ко мне, я в таком-то бараке». Ну ладно. «Ну и вот потом, ну, говорит, я с ним очень редко так виделся. Но он мне помог, когда меня, сказали, что Ваше дело пересматривается, Вы опять едете в Москву, там Вас...»
В. На этап.
О. На этап, да.
В. Как помог?
О. Как помог? У отца, ну это я Вам рассказывал, стащили... Ему выдали, ну вот...
В. А, на дорогу-то...
О. ...на дорогу, на дорогу выдали белье свежее. Помылся, выходит, а белья нету. Белья нету. Ну, он оделся, там, вышел... и вот с ним повидался, почему-то, не знаю, там, как совпало, совпало так. «Чей-то, - говорит, - такое, Воробьев, грустный-то?». Тот говорит: «Вот...», говорит... Он говорит: «Тебя, говорят, на этап, это, пересмотр твоего дела?». Он говорит: «Да, да, да. Меня вызывают», - говорит. «А что ты такой грустный-то?». «Да, - говорит, - вот, белье выдали, новое, все, и кто-то спер». «Кто спер?». А он говорит: «А откуда я знаю-то?!». «Спер, вот в бане мылся, кто-то спер». «Не беспокойся, все тебе будет. Сейчас тебе принесут». «И, - говорит, - мне целый день приносили «шестерки»-мальчики, ну, не мальчики, там, а помоложе какие-то, белье это». Говорит, даже шелковое откуда-то приносили. «Это, - говорит, - для начальства, может, там, для какого-то было. Это, - говорит, - не мое. Потом, - говорит, - вот, как нам выдавали там, со штампиком, принесли. Ну, - говорит, - я взял его. Ну, я не знаю, это мое, не мое, может, у кого-нибудь другого стащили». (смеется).
В. Понятно.
О. Вот так вот.
В. А, вообще, он потом поддерживал какие-нибудь взаимоотношения с лагерными? Были у него вот эти...
О. Нет.
В. Нет? Все.
О. Нет. Никого.

В. И там не образовалось таких близких друзей?

О. Нет, близких – нет.

В. Этот вот период – он о нем рассказывал, но... из жизни не выбросишь... Да?

О. Да. Нет.

В. А их же вот, насколько я понимаю, Соловки, там просто закрыли лагерь, тюрьму, и все, их, наверное, тоже какое-то... этапом перевезли... Там же, наверное, много было людей оттуда?

О. Да. Много. Он в этом... Он там только сидел в тюрьме. Он ничего там не делал. Только, - говорит, - последние, вот... за неделю, как нас отправить в Норильск, нас всех вывели туда и заставили площадку расчищать, там хотели для вертолетов сделать, или для самолетов, - говорит, - таких. Ну, для самолетов, тогда вертолеты-то, я не знаю, были эти... Для самолетов площадку. Говорит: «Мы камни растаскивали, все». Вот и больше...

В. Вот два года назад, наконец, и построили нормальный аэродром.

О. Да? Вот...

В. На Соловках. К путинскому приезду.

О. Он и говорит: «Вот мы растаскивали эти камни. Такие огромные там камни!..».

В. Ну, вот из тех, кто там с ним был, и туда же попал? Все-таки это уже такая связь...

О. Ну, он... Ну, все равно, это... Он сидел с несколькими людьми в келье. В келье. Выгоняли там... Кельев этих много было, он с ними не общался. Вообще не знал, кто там, кто... «Вот только я знал, что со мной там три грузина, еще кто-то там, и еще откуда-то сидели. Вот все. Узнал, что мою двоюродную сестру, в Тбилиси, тоже посадили. Вот от грузин, которые в келье сидели».

В. Кто думал, что у него <нрзб>

О. Да, да. «Мы, - говорит, - разговорились, так он мою двоюродную сестру знает». Она на железной дороге работала. В Тбилиси. «Вот мне, - говорит, - про нее сказали, что ее, - говорит, - забрали тоже. По политической статье». Чего-то такое она там организовала... террористическую организацию. Да. И что человека... хотела все взорвать к чертовой матери! (смеется)

В. А вот он, вообще, потом был когда-нибудь в Норильске?

О. Он – нет.

В. И в общем...

О. Он был только в лагерях, где мама сидела. В Мордовии. В Мордовии. Там командировка какая-то была у него, рядом. Вот дали ему машину, он там поездил. Как мама мне рассказывала, ну, просто интересно было посмотреть. А там... а там еще...

В. То есть, Вы ездили по его местам, а он – по маминым.

О. А там еще, там еще, - говорит, - сохранились эти сейчас... И сейчас существуют там лагеря.

В. Да. Там уголовные.

О. Вот в Норильске почти что лагерей... Мне показывали: вот здесь был, вот здесь был, вот здесь был, вот здесь был, вот здесь... Дали мне машину там и я по всему Норильску, где вот эти лагеря были, по окраинам этого города. Все... Мне все показали. Все показали. Ну, там какой-то... Два лагеря я только видал, которые...

В. Остались?

О. Ну, это для... нужд города, наверное.

В. ...но уже уголовные, да?

О. Да, да. А такие все... Ну, стоят еще вышки кое-где... Ну уже лагеря... ничего нет.

В. И как-то в городе ничего не напоминает?

О. Нет, ничего. А в городе вообще не напоминает ничего. Такой хороший... Хороший город, хорошие дома.

В. Только ветер.
О. Только ветер ужасный. Ужасный ветер. Да.
В. То есть, вот он как бы, и не пестовал эту память, да? Но и не чурался рассказывать?
Ну, рассказывал только так... <нрзб>.
О. Ну, только вот никому не рассказывал, а потом, вот, рассказал, что, когда его возили, то в Бутырки, то в это...
В. В Архангельске. В начале или в конце?
О. Да, нет. Сначала, сначала, сначала.
В. В Лефортово?
О. В Лефортово. Лефортово – это политическая была. Вот там, - говорит, - меня били.
В. В Лефортово за этим и возили.
О. Да. “Меня били там, - говорит, - фанеру на меня... К стенке прислоняли, фанеру, - говорит, - и по этой фанере так дубасили... Ой!...
В. Чтоб следов не оставалось...
О. ...что у меня там все внутри, - говорит, - все колыхалось. Думаю, ну, сейчас чего-нибудь оторвется или из меня все полезет”. Вот такое состояние было. Вот. У него были такие красивые зубы! Он когда уж из Норильска приехал, говорит, и там еще цинга, говорит: “У меня половина, вот... и выбили, вот в Лефортово...”
В. На следствии.
О. А потом... Ну, - говорит, - но мало меня били еще. Там, когда я приходил, там некоторых, - говорит, - еще больше били.
В. То есть, он своими ногами возвращался?.. А там вот такого не было, да уже? В Норильске?
О. Нет, нет. Нет.
В. А условия вот эти все: бараки... Это рассказывал?
О. Бараки... Да, да, да. Теплые, да, теплые бараки были. Все. Нары были, они там спали. Ну, были постельные принадлежности. Говорит, - вшей у нас, у нас, - говорит, - в бараке не было. Не было. Вшей... - говорит, - Нормальные были тюфяки, одеяла ватные, подушки – все было.
В. На этом этапе строительства они все обеспечивали?
О. Да. Да, да.
В. И тепло, и все вот это...
О. Да. Тепло. Ну, и вкалывали с утра до вечера. Ну, выходные дни, - говорит, - были. Выходные были.
В. Потому что потом и выходных не было.
О. Да.
В. А медицинская всякая помощь?
О. Ну, это я не знаю. Слава Богу... А, чего-то такое, раз, - говорит, - болел я, что-то со мной было. Забыл, он там чего-то написал. Вы ж сняли все, прочтите там, я уж забыл.
В. Нет, вот в принципе...
О. Да, чего-то раз он обращался. Ну, так вот, - говорит, - Бог дал мне, господи, здоровье. Я так ничем сильно не болел. Ну, молодой еще был-то, господи, ну, что...
В. Да. Ну, молодые там гибли точно так же. Вот он обратился и его, значит, вот...
О. Да. Да, да.
В. ...не отогнали, не записали в отказчики, а помогли и все?
О. Да. Чего-то даже у него... Он простудился, наверное, там, вот, у него воспаление легких что ли начиналось у него? Но вовремя... вовремя...
В. Он там был, получается, два года? Даже меньше? Он туда в конце 39-го... А дальше...
О. 39-й, 40-й...

В. 40-й полностью...

О. 39-й, 40-й, и его в конце 40-го, значит, привезли сюда. Сюда. Сначала в Архангельске...

В. То есть, год с хвостиком.

О. Сначала в Архангельске. В Архангельске. Потом сюда привезли.

В. <нрзб>. Хорошо. Теперь тогда, получается, что вот последний вот этот вот, то, что Вы сказали, что Вы так повзрослели: “Я как-то по-другому на все смотрел”. Вот что это обозначает?

О. Когда еще маленький я был, да?

В. Ну, вот я Вам читаю Вашу фразу, что: “Когда отца забрали, мне 7 лет еще не исполнилось, а тут я как-то вдруг повзрослел, как-то по-другому...”, то есть, взрослее своих лет.

О. Да. Сначала... Сначала, еще когда до сентября месяца мама была, я всем говорил: “Чего помочь?”. Ходил даже вот я, мне 7 лет как исполнилось, я ходил по магазинам, помогал. Помогал. Вот мне хотелось помочь.

В. Именно хотелось?

О. Да, хотелось. А потом маму забрали. Я чего-то такой был расстроенный все время. Ночью плакал. И, мне бабушка говорила, бредил. Вот такое состояние было.

В. Может, это у Вас с легкими было из-за этого?

О. Ну, может быть. Но это потом было. Это, господи, я еще в школу, это... В школу, когда мне восемь лет... Раньше же с восьми лет, с восьми лет это... В 38-м году со мной случилось, чего-то такое. Даже ближе к 39-му году. Это я, воспаление легких у меня, что-то такое было. Может, от этого, черт его знает.

В. Может быть...

О. Ну, вот... Не знаю, когда... когда, это... Ну, бабушка с дедушкой, я даже не знал, что... За нами приходили, много раз. Сначала, вот... Ну, летом нас, вот, вывезли, а зимой привезли сюда опять... Вот после, маму как забрали, нас сюда привезли, с сестрой. И мы не знали, что... Черт его знает... (долго молчит) Что... Даже я не знал, что дед мой ходил, заявления куда-то писал, и все, и что нас усыновили. Понимаете, вот этого я... он не говорил.

В. Спасая таким образом от детдома.

О. Да, да, да. Спас, спас. Мы даже... Он, когда освободились мои родители, пришли, дедушка ничего не говорил. Когда он только умер, что паспорт когда забрали и там было написано: дети, в графе-то “дети” написано – Олег и Наташа. Что они родители. А родителей-то не было! Мы не были вписаны.

В. Ну, вот это вот, допустим, Вы, там, не знали. А вот это ощущение, что, знаете как: я теперь, хоть и маленький, а мужчина в доме. Вот я сестре защитник, вот я бабушке с дедушкой помощник...

О. Да. Да, вот дедушке, бабушке, да – помощник я. Помощник.

В. То есть, это было осознанное, да? вещь такая...

О. Да, да. На мне..

В. До этого не было?

О. Нет, нет. Ну, было...

В. Потому что, я думаю, балованный были ребенок, судя по письмам...

О. ...было... было... было – погулять, похулиганить чего-нибудь там. Я был такой, я был такой – не спокойный. Не спокойный.

В. То есть, это было осознанное, да, такое <нрзб>?

О. Да. Да. Потом я... Да. Теперь...

В. А когда вернулась мама? Пропали эти все вот: а, мама вернулась! Вернулись Вы к своему возрасту как-то?

- О. Может быть. Я даже...
- В. Или все-таки осталось?
- О. Ну, что-то осталось, но... Но это как-то уже было заложено, что я чем-то занимался, для семьи. Когда началась финская война, в 39-м году...
- В. У вас одно несчастье кончилось, другое началось.
- О. Да, да, да, да. Финская война. Тоже с продуктами было... Я даже тогда школу много раз прогуливал, не ходил в школу, потому что надо было за хлебом сходить, еще за чем-то. Очереди везде были. Записывались люди. У меня все руки всегда были химическим карандашом все исписаны, потому что я прибегал: «Бабушка, дай денег, там это продают, масло подсолнечное выбросили, я занял очередь – вот мой номер». Там за хлебом, в 47-м магазине, были прикреплены, там я стоял. Там надо было картошки – я...
- В. То есть, Вы все <нрзб>?
- О. Да, да, да. Я все... был главный этот...
- В. Разводящий.
- О. ...разводящий. По продуктам. Что купить, везде ходил. Такой пацаненок – восемь, девять лет. Десять лет.
- В. А мама когда вернулась? Тоже чего-то за Вами осталось, в епархии? Или все-таки она на себя взяла?
- О. Ну, они вместе с бабушкой стали. Как-то я отошел от этого.
- В. Ну, а там уже война. То есть, понятно: это было как бы осознанно, но все-таки... локализовано во времени.
- О. Да. Ну, вот видите как... Кто-то так сказал, что я ребенок 37-го года, потом – финская война, потом – Отечественная война, потом – перестройка. Сейчас... (смеется)
- В. Да, скучать Вам не дают.
- О. Не дают.
- В. Понятно. А вот на отношениях с сестрой: как тоже Вы себя чувствовали? Там отец все время, в письмах, чтоб Вы ее...
- О. Да, да, да. Ну, не знаю. Но она была такая спокойная, там, гуляла с девчонками, я как-то...
- В. Защищать ее не надо было?
- О. Защищать не надо было. Не надо.
- В. Развлекать, защищать?
- О. Она только иногда мне чего-нибудь такое, была недовольна и меня стучала. Раз стукнула отверткой меня, ага (смеется), чего-то...
- В. Знает, что Вы не ответите...
- О. ...чего-то я не так ей сделал, чего-то такое. Может, просила чего-нибудь такое. Ну, я не помню, чего. Но отверткой мне саданула, вот (показывает, на голове): когда, если я постригусь наголо, у меня... (смеется)
- В. То видно до сих пор... Ничего себе! Не ответили?
- О. Нет, я ничего не ответил.
- В. Все-таки Вы по отношению к ней себя как взрослый мужчина держали.
- О. Да. Да.
- В. Тоже, может быть, от этого?
- О. Может быть.
- В. Вот смотрите, мы с Вами как-то благополучно на все вопросы и ответили. Спасибо.

Конец стороны “А” первой кассеты

Конец записи